

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

Арутюн Марутян

В статье рассматриваются некоторые факторы возникновения и развития этнополитических конфликтов в поликультурных обществах, а в контексте поисков путей урегулирования подобных конфликтов на первый план выдвигается задача укрепления взаимоприемлемости посредством знания прошлого, что может привести к исчерпанию конфликта. Подчеркивается сравнительно низкая эффективность встреч, обсуждений, совместных программ, осуществляемых представителями разнообразных общественных организаций конфликтующих сторон кавказского региона, что, по мнению автора, обусловлено отсутствием целевой тематической постановки проблем и скоординированной, поддерживаемой государством пропагандистской работы по их решению. На примере армяно-азербайджанского конфликта выдвигается проблема важности фактора исторической и коллективной памяти конфликтующих сторон в процессе этнической мобилизации и последующей трансформации идентичности, очерчиваются важные свойства этого процесса, анализируются основные проявления немецкого послевоенного опыта. Выдвигается идея о том, что нацеленный на установление полноценного мира между конфликтующими народами межкультурный диалог, в основе которого должны быть поставлены открытые, профессиональные, последовательные, имеющие широкий массовый охват обсуждения, касающиеся различных вопросов коллективной и исторической памяти находящихся в конфликте народов, и которые будут всячески поддержаны политической верхушкой сторон. Лишь такой подход, т.е. создание философии реального познания и взаимопонимания на основании культурного диалога между народами об одном из решающих элементов идентичности может стать той основой, которая приведет к фундаментальному урегулированию этнополитического конфликта.

I

Трудно однозначно утверждать, но опыт последнего столетия как бы указывает на следующую закономерность: поликультурные общества переживают кризис в том случае, если в этих обществах наличествует и одновременно начинает играть существенную, решающую роль ряд факторов: а) поликультурность сочетается с полиэтничностью; б) полиэтничность сопровождается

наличием малой родины в данной стране; в) этническая общность проявляет быстрый рост национальной идентичности, г) руководящая страной политическая элита приобретает черты, характерные для репрессивных режимов (тоталитаризм, авторитаризм), или же имеет место ослабление однозначной приверженности демократическим ценностям.

Это наблюдение не претендует на аксиоматичность. И все же я попытаюсь обосновать сказанное примерами из различных регионов. Так, основы этно-политических процессов, имеющих место в кавказском регионе начиная со второй половины 1980-х гг., были заложены еще в первые годы советской власти, когда в условиях диктата большевистского режима, недемократическим путем были очерчены известные границы, просуществовавшие около 70 лет. На территориях Советского Азербайджана и Советской Грузии нашли место политические формирования иноэтничных общностей, имеющих малые родины. Разной была и культура этих общностей: иногда она, по сравнению с культурой главенствующего формирования, находилась даже на разном цивилизационном уровне. Со второй половины 1980-х гг., под воздействием демократических преобразований, начавшихся в СССР, произошла деконсервация многочисленных накопившихся проблем, большая часть которых имела этнополитическую основу. Имело место пробуждение и очень быстрый рост этнической и национальной идентичности. Когда они стали сопровождаться разнообразными действиями репрессивными действиями со стороны правящих политических единиц республиканского уровня, проблема переросла в этно-политический конфликт. В итоге имели место известные развития карабахско-азербайджанского, а потом и армяно-азербайджанского, а также грузино-абхазского, грузино-южноосетинского конфликтов. В Европе этот процесс проявился в разрушении государства Югославия и кровавых войнах на ее территории [о роли фактора исторической памяти в конфликтах на территории Югославии см., напр., 1], в России – в виде русско-чеченской войны и т.д. Эти конфликты, как правило, сопровождались *этнической чисткой*, первыми проявлениями которой были Сумгаит, Фергана, а в широкомасштабной форме мы были свидетелями ее применения во время армяно-азербайджанского противостояния, в результате чего из Азербайджана были депортированы 360 тыс. армян, а из Армении – 200 тыс. азербайджанцев. Затем это явление стало обычным: Абхазию вынужденно покинула большая часть грузин, до сего дня продолжается насильственное формирование моноэтнических территорий в разных частях бывшей Югославии. Начавшийся было процесс этнической чистки в Молдове был оста-

новлен лишь путем российского вооруженного вмешательства, она не имела место в Чехословакии, а также, насколько мне известно, – в Венгрии, что было обусловлено более демократическими режимами на местах. А в Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Грузии этническая чистка приобрела «ползучую» форму.

Примечательно, что этническая чистка, как способ разрешения межэтнических конфликтов на территории СССР, была предложена, можно сказать, центральным советским руководством, которое от наставлений про демократию советского типа перешло к разрешению задачи спасения державы любой ценой, не брезгуя на этом пути никакими, даже кровавыми, методами. Процесс этнической чистки сопровождается, естественно, либо уничтожением поликультурности, либо – в лучшем случае – существенным сужением ее границ. Можно сказать, что в роли инструмента «ползучей» этнической чистки выступает именно культурный фактор, из-за чего эта чистка для внешнего мира приобретает косвенную и, таким образом, более цивилизованную форму. Так, в Грузии – в случае с армянским населением – это проявляется в косвенной поддержке закрытия армянских культурных очагов, в том числе и школ; в насильственной грузинизации армянских церквей и в неприкрытом государственном покровительстве этого дела; в поисках лжегрузинских основ армянских фамилий и способствованию изменения этих фамилий путем прямого/косвенного давления; в пропаганде «исторической» доктрины представления армян в виде проживающих в Грузии «гостей» (из чего вытекает, что они должны вести себя подобающим гостям образом); в неподдержании экономического развития армянонаселенных областей и т.п. Замечу, что в годы советской власти подобную политику вело азербайджанское руководство, и к чему это привело – известно всем.

Таким образом, выше мы обратились к культурной основе этнополитических конфликтов в многонациональных странах и последовавшим за ними этническим чисткам. Должен отметить, что от подобных (но внутриэтнического порядка) конфликтов не свободны и моноэтнические структуры, такие, как, например, Армения.

II

Начиная с середины 1990-х годов почти ежегодно проходят встречи представителей неправительственных организаций, других общественных структур, политологов, специалистов по вопросам прав человека, искусствоведов, представителей средств массовой информации, ученых, групп народной ди-

пломатии, которые представляют противоборствующие стороны кавказского региона. Основным содержанием встреч [см., например, 4] бывает анализ ситуации и поиски путей разрешения конфликтов. Делаются многочисленные предложения, предпринимаются различные начинания, осуществляются многочисленные совместные проекты, однако по сей день, как говорится, воз либо не сдвинулся с места, либо даже откатился назад. Причин тому много и они разные. Я не ставлю перед собой задачи проанализировать явление полностью, просто хотелось бы поделиться несколькими наблюдениями по поводу вопроса о том, чем обусловлена довольно низкая скорость «воза».

Я бы выделил две, на мой взгляд, основные причины. Первое: на этих встречах, насколько мне известно, не были разработаны одна или две целевые (*target*) тематические постановки вопроса, которые могли бы стать направлениями пропаганды, получающими непосредственное содействие властей, с его прямым или косвенным участием. Второе: такие подходы не были выдвинуты со стороны руководства государств и этнополитических формирований, находящихся в конфликте, масштабность же общественных инициатив оставалась и остается ограниченной, в первую очередь, из-за отсутствия всестороннего содействия со стороны государства. Этот фактор я бы сформулировал как недостаточность или отсутствие политической воли.

Чем же может быть та главная тематика с культурной основой, вокруг которой можно было бы организовать обсуждения, имея цель сформировать взаимопонимание между народами противоборствующих сторон, которое лишь в течение десятилетий могло бы перерасти в настоящее примирение (*reconciliation*) или же изменение тех элементов идентичности, что позволило бы не просто установить отношения на уровне государственно-договорных основ, а сформировало бы кавказскую модель Европейского союза, которую принято называть «Кавказским домом». Я, конечно, против обобщения каких бы то ни было принципов разрешения конфликтов и создания одного рецепта/ключа: каждая задача должна быть обсуждена и рассмотрена с учетом своих особенностей.

По моему мнению, в случае южнокавказского (и общекавказского) региона необходимо смотреть в корень взаимоотношений находящихся в противостоянии народов стран и этнополитических образований, и в этом случае там можно увидеть фактор истории или, еще конкретнее, фактор коллективной и исторической памяти.

III

Итак, что же представляет собой историческая память [подробнее см. 5]? Попробую в общих чертах обрисовать его основные особенности.

Согласно считающемуся классиком в вопросах теории памяти М.Халбахсу, в сфере памяти выделяются автобиографическая память, историческая память, история и коллективная память. *Автобиографическая память* – память о тех событиях, которые являются итогом нашего жизненного опыта. Между тем *исторической памятью* является память, которая передается только посредством исторических записей. История – то памятное прошлое, с которым у нас нет «органической» связи, то прошлое, которое уже не является важной частью нашей жизни, между тем *коллективная память* – активное прошлое, которое формирует нашу идентичность. Когда мы утрачиваем связь с нашим прошлым, память неизбежно уступает дорогу истории. Историческая память, кроме того, может быть или органической, или мертвой: мы можем праздновать даже то, что непосредственно не ощущали, жить, ощущая прошлое живым, или же можем жить исключительно в исторических записях, так называемых кладбищах знаний. Коллективная и историческая память передается как изустно (от старших младшим), так и посредством письменных источников, которые преподносятся в семье, школе, вузах, широким же слоям общественности – средствами массовой информации. Историческая память, будучи частью социальной памяти – сложная категория и состоит из: а) воображаемой истории собственного народа: б) его действительной, реальной истории, а также из в) общих представлений об истории в целом. Моральные нормы, преподносимые в комментариях исторических событий, нормы поведения основных действующих лиц и героев истории собственного народа моделируют нормы поведения индивидуума и народа в целом. Таким образом, если вкратце, то она – один из основных элементов, характеризующих понятие «нация, национальная идентичность» и основана на знаниях и отношении людей к реальному или воображаемому историческому прошлому в целом или отдельным его элементам [6, pp. 21, 40, 43 etc.¹]. Она опирается на знания людей и их отношении к реальному или воображаемому историческому прошлому их нации – как в его целостности, так и относительно отдельных событий. Круг проявлений исторической памяти включает в себя различные ответвления, выходящие из одного и того же ствола, развития, которые с первого взгляда может и не имеют непосредственной связи с этой памятью, однако на самом деле обусловлены ею, пита-

¹ В этой книге автор рассматривает историческую память как один из 6-7 основных компонентов «этнической общности», «нации», представляющих собой этническую основу национальной идентичности.

ются ею, и их совокупность именно и составляет коллективную историческую память народа. Как компонент национальной идентичности, историческая память становится также неотъемлемой частью национальной культуры и, наконец, одним из факторов, которые формируют систему ценностей, доминирующую в рамках данного общества.

Ниже я попытаюсь остановиться на тех элементах исторической памяти, которые, по моему мнению, существенны с точки зрения вышеприведенной постановки вопроса.

Во-первых, один из главных признаков исторической памяти – ее **мощный этномобилизационный потенциал**. В то же время, такие понятия, как национальная идентичность, так и историческая память – не статичные явления, а **подлежат трансформациям**, которые могут быть результатами как внутренних развитий, так и следствием внешних воздействий. Отмеченные два фактора, как правило, выступают, сменяя друг друга, и второе бывает проявлением последствий первого.

Этническая мобилизация [подробнее см. 7] имеет место в жизни общества как благодаря вводу в действие внутренних механизмов этого общества, так и направлением государственной пропагандистской машины. В последнем случае лишь меняются местами слагаемые: политическая верхушка пытается разработать такую национальную идентичность и историческую память, которая может способствовать этнической мобилизации общества вокруг определенных политических задач, что, в конечном итоге, приводит к контролю политической жизни общества со стороны государственной верхушки. Вот здесь в роли инструмента выступает применение упомянутого выше противопоставления «мы-они, свой-чужой». Почему? Компонентом общности с любой основой (территориальной, этнической, национальной) является образ «чужого, другого», с которым сравнивается и которому противопоставляется образ «своего». Образ «чужого» может иметь отрицательные, нейтральные и позитивные черты, под воздействием определенных условий – особенно в ситуации противостояния – может возникнуть образ «врага». Исследования показывают, какую роль может иметь образ «врага» в процессах формирования национальной идентичности. Противостояние и наличие «врага» – реального или вымышленного – становятся стимулом для национальной мобилизации.

Без оценки роли исторической памяти невозможно понять процесс этнической мобилизации, т.е. мобилизацию этноса вокруг определенных политических задач. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для объяснения факта приобретения важнейшей роли исторической памяти в этнополитических противостояниях. Историческая память становится той осно-

вой, на которой строится восприятие противостояния, объясняется справедливость собственных требований и необоснованность требований противоположной стороны. Историческая память становится той основой, вокруг которой можно сплотить силы нации и направить их на разрешение определенных задач. Более того, в этно-политических конфликтах историческая память способствует не только этнической мобилизации, но и может послужить моральному обоснованию применения насилия по отношению к противоположной стороне.

Огромный мобилизационный потенциал исторической памяти объясняет, почему политическая верхушка стремится держать ее под своим контролем и использовать для определенных политических выгод. Довольно много примеров, когда определенные представления об истории создаются (конструируются) политической верхушкой или со стороны отдельных слоев интеллигенции и потом – через систему образования и пропаганды, внедряются в среду широких слоев общества, становясь таким образом основой индивидуальных представлений об истории. Играющие особую роль в этом процессе группы – политическая верхушка и определенная часть интеллигенции – не всегда заинтересованы в существовании объективной памяти о прошлом: в итоге, предпринимается попытка строго контролировать формирование исторической памяти. Говоря иначе, господствующая верхушка стремится к тому, чтобы общество вспоминало не то, что имело место на самом деле, а то, что выгодно с точки зрения верхушки. Наличие такой «контролируемой» памяти позволяет делать общество более управляемым и сплачивать его вокруг определенных политических целей.

Случаи, когда политическая верхушка старается искусственным образом формировать или трансформировать историческую память общества, – довольно многочисленны. В частности, в годы существования СССР вмешательство политической верхушки в конструирование исторической памяти носило всеобщий и крайне грубый характер, что наложило свой отпечаток на процессы, имеющие место как в советских, так и в постсоветских республиках.

Так, в годы советской власти, благодаря целенаправленной деятельности азербайджанской государственной пропагандистской машины, в среде азербайджанской общественности возникли и стали частью исторической памяти определенные стереотипы и представления о Нагорном Карабахе, его армянском населении, как и вообще об армянстве. Становясь компонентом исторической памяти азербайджанцев, эти представления сыграли активную роль начиная с 1988г.¹ в формировании и процессе карабахско-азербайджанского

¹ Примечательно, что в течение Карабахского движения (1988-90 гг.) и в последующие годы, у азербайджанской стороны играет большую роль стремление копирования армянской модели исторической памяти.

правового, а затем и этнополитического конфликта. За более чем 10-летний срок, прошедший после установления перемирия в 1994г., азербайджанское руководство проводит политику, суть которой можно охарактеризовать как создание образа врага с целью сплочения азербайджанского общества и легитимизации власти политической верхушки. Используя конфликт, азербайджанские власти способствуют тому, чтобы сформировался негативный образ армян и основанная на этом образе «историческая память».

После 1991г. в бывших республиках СССР начинается процесс перестройки государственной идеологии: если до этого идеологической основой государственных структур была коммунистическая идеология, то теперь она заменяется национальной идеологией. Это был вполне логичный процесс: бывшие союзные республики превращались в национальные государства. Логичным было и то, что параллельно формированию новообразованных национальных государственных структур должны были формироваться определенные представления о национальной истории, которые призваны обеспечить легитимность национальной государственности. Нужно также подготовить собственное общество к этнической мобилизации и в случае необходимости консолидироваться для действий, направленных против внешнего врага. Именно с этой целью создаются такие истории, которые заменяют существующие прежде представления.

IV

Как отмечалось выше, на развитие исторической памяти весьма влияет ход событий, который вносит свои коррективы в восприятие и комментирование явлений, а также открывает новые поприща их проявлений. Конкретизируем сказанное на основе армянского материала, в частности, роли фактора исторической памяти в Карабахском движении (1988-90 гг.).

Небольшой исторический экскурс. Геноцид армян 1915-23 гг. в османской Турции, частично и в Восточной Армении, привел к физическому уничтожению преобладающей части армянского этноса, к потере большей части исторической родины, формированию армянской Диаспоры и, как одно из последствий – возникновению нового пласта исторической памяти¹. Однако рассмотрение темы Геноцида в Советской Армении по политиче-

¹ Как было замечено, особенно в новейшее время геноциды очень редко достигают выполнения поставленных перед собою целей – уничтожения этнических общностей, и могут иметь в том числе непредвиденные последствия. В частности, они могут привести и к обратному результату – возрождению этнических связей и национальной идентичности, содействию его кристаллизации [6, р. 31] и, наконец, как это было в случае с армянами, ознаменованию собою начала новой фазы этногенеза. [О подобных подходах см. 8, р. 331, 9, т. 47-52, 10, с. 60].

ским мотивам долгое время фактически запрещалась. Пожалуй, ввиду изменения внутривнутриполитической ситуации (хрущевская «оттепель»), а также благодаря определенной свободе, с которой в литературе освещалась тема Геноцида, в апреле 1965г., когда отмечалось 50-летие Геноцида армян, в Ереване имели место массовые выступления, которые к тому времени были необычным явлением в Советском Союзе [подробнее см. 11, 12]. Эти выступления, как и предшествовавший и последующий за ними резкий рост интереса к теме Геноцида в литературе и искусстве свидетельствовали о том, что память о Геноциде, несмотря на официальную политику его замалчивания, продолжала жить в душах и сознании людей. Однако в этой памяти армяне представлялись исключительно как незащищенная жертва турецкого ятагана, которая потеряла бо'льшую часть исторической родины и нуждается в сочувствии. В то время как тема национально-освободительной борьбы и ее героев-федаинов продолжала оставаться негласным запретом [см. 13, т. 2 36-47, сравн. 14, т. 2 173]. Основное содержание произведений тех лет, так или иначе затрагивающих тему геноцида, можно сформулировать призывом «мирного мщения» из поэмы Сильвы Капутикян «Размышления на полпути»: «Ты должен отомстить, продолжая жить» [15, т. 2 112], которое, фактически, являлось также художественной формулировкой идеологии государственной политики, осуществляемой в сфере памяти о Геноциде. За выступлениями 1965г. последовало строительство мемориального комплекса памяти жертв Геноцида, а ежегодные стотысячные скорбные шествия способствовали укреплению памяти о Геноциде и механизму ее бесперебойной передачи из поколения в поколение.

Начиная со второй половины 1980-х годов фактор исторической памяти опять выходит на первый план. В первую очередь, это было обусловлено начавшимся в средствах массовой информации и художественной литературе (с архивно-фактологическим основанием) процессом пересмотра и переоценки истории советского периода, что, в свою очередь, было следствием объявленного советским руководством курса перестройки, гласности и демократизации. Внешним импульсом служила пропаганда так называемой «албанской теории», сформированной в азербайджанской историографии и с годами приобретающей все большую и большую масштабность, когда историко-архитектурные памятники армянской культуры на территории Азербайджана объявлялись основополагающими элементами культуры албанцев – народности, сыгравшей определенную роль в этногенезе современных азербайджанцев; когда делалась попытка оторвать этнокультурное наследие армян Нагорного Карабаха от его армянских корней, а самих карабахских

армян представить потомками армянизированных албанцев. Получалось, что современные азербайджанцы и армяне Нагорного Карабаха имеют общих предков и, таким образом, с историко-культурной точки зрения, они приходятся дальними родственниками друг другу. Отрицание всего армянского носило вполне осознанный характер и преследовало цель разрушить в этническом самосознании армян Карабаха многие его компоненты – армянское происхождение, историческую память, этнические символы и другие, ослабить структуру армянских ценностных ориентаций и, таким образом, подготовить историко-психологическую основу для принятия решения смены национальной принадлежности. Именно это обстоятельство было воспринято армянами как посягательство на национальную идентичность и, в частности, на историческую память и, в числе других существенных факторов, подняло на борьбу за восстановление исторической справедливости [см. также 21, 22]. Последнему обстоятельству придавалось большое значение, обусловленное особенно той уверенностью, что критика несправедливостей, имевших место в эпоху сталинизма, должна привести к исправлению этих ошибок. Поэтому неслучайно, что с самого же начала Движения был взят курс на всестороннее рассмотрение и, как историко-юридическая основа для статуса Нагорного Карабаха, отрицание известного решения Кавказского бюро ЦК ВК(б)П 1921г., когда территория Нагорного Карабаха, населенная на 95% армянами, была передана Азербайджану. Эти и подобные обсуждения велись не только на страницах историографической периодики, но и в прессе, по радио и телевидению, на Оперной площади в присутствии десятков и сотен тысяч людей. Таким образом, фактор исторической памяти постепенно, шаг за шагом, осознанно или неосознанно становился важнейшей движущей силой идеологии Карабахского движения [см. 16, § 56-57].

Спустя неделю после начала Карабахского движения произошли события в Сумгаите, когда варварскими, можно сказать, турецкими методами геноцида армян начала XX века были убиты порядка три десятка, а может и более, граждан Азербайджана армянской национальности. Эти погромы (продолжением которых была резня армян города Баку в январе 1990г., унесшая, по неполным данным, жизни более 400 граждан Азербайджана армянской национальности) были однозначно восприняты армянами как проявление очередного геноцида и пробудили самый мощный слой исторической памяти – слой Геноцида 1915 года. Карабахское движение, первоначально направленное на восстановление исторической справедливости в вопросе территориальной принадлежности Нагорного Карабаха, получило новый импульс.

Анализ различных источников (выступления ораторов, статьи в прессе,

транспаранты и плакаты) Карабахского движения показывает, что тема геноцида армян, из-за Геноцида начала XX века и новых погромов и резни конца XX века, в годы Движения продолжала оставаться важнейшим проявлением исторической памяти армян. Рассмотрение материала одновременно привело к убеждению, что эта память находилась в процессе видоизменения: попытка выхода из кризиса конца XX века сочеталась с борьбой за преодоление кризиса начала XX века, одним из проявлений чего является то, что символ жертвы, просящей справедливости и сочувствия, уступает место образу борца, осознающего, что осуществления национальных целей можно достичь лишь путем борьбы. И может быть именно это изменение в идентичности армян¹ привело к успеху в борьбе за освобождение Нагорного Карабаха.

Анализ материала позволяет также увидеть, что именно оценка сумгаитских событий в качестве геноцида становится пробным камнем для многих стереотипов, сформировавшихся за десятилетия советской власти, тем камнем преткновения, о который спотыкались, через который не сумели «перешагнуть» проповедуемые около семидесяти лет советские парадигмы: пресса как зеркало истины, нерушимая дружба народов, КПСС, думающий о благоденствии своих граждан ЦК, воспринимаемая в качестве опоры существования армянства советская/русская армия, самая справедливая судебная система и проч. Перед исследователем встает гражданин, сбросивший за время Движения оковы тоталитарной идеологии, и, что важно в данном контексте, в процессе формирования свободного мышления направляющее значение для него обретает именно важнейший компонент исторической и коллективной памяти – воспоминания о геноциде, что отразилось в восприятии сумгаитских событий как геноцида, в требовании их политической оценки и собственной оценке, требовании найти и наказать непосредственных исполнителей и организаторов сумгаитской резни, указании возможных виновников ее организации и исполнения, оценке судебного процесса. То есть, фактор геноцида стал тем локомотивом, который позволил шаг за шагом изменить старые представления и стереотипы, трансформировать опирающуюся на старые ценности идентичность и постепенно сформировать новую идентичность. Таким образом, тема геноцида в Карабахском движении, выйдя за рамки боли и печали, характерных для начального периода, толкала людей к активным действиям, которые, в конечном итоге, привели к формированию нового парламента, созданного в ожидании коренных преобразований.

Со второй половины 1990-х гг. такой подход – достижения цели признания геноцида и осуждения ее организаторов и исполнителей путем борь-

¹ О других важнейших изменениях см., в частности 17, 12 55-56.

бы – обрел государственный оттенок и, поэтому, на первый взгляд, народные проявления памяти о геноциде несколько ослабли. Однако то, что это не так, стало наглядным во время массовых народных выступлений, следовавших за злодейским убийством в Будапеште офицера Гургена Маргаряна¹ зимой 2004г.

V

Таким образом, на примере двух конфликтующих южнокавказских стран было кратко рассмотрено, какую активную роль играет историческая память в этнической мобилизации и следующим за ней процессом изменения идентичности. В итоге мы имеем два народа, конфликт между которыми в значительной мере обусловлен также диаметрально противоположными восприятиями исторической памяти по отношению к друг к другу в контексте событий 20 века и новых развитий.

Заметим, что подобное явление характерно не только для Карабахского конфликта. Многочисленные и разнообразные проявления такого рода встречаются в русско-чеченском, русско-украинском и других конфликтах на постсоветском пространстве. Мы стали свидетелями процесса трансформации национальной идентичности на основе исторической памяти также и в Европе, в разных странах мира. Обращусь лишь к одному – цивилизованному примеру.

Историографические постановки вопросов всегда могут меняться. Это связано с требованием времени, как это случилось в Германии после поражения во Второй мировой войне. Т.е. эти постановки подвержены изменениям, что приводит к проявлениям трансформации идентичности. Однако в течение всего процесса этих изменений историческая память продолжает существовать. В случае с Германией поворотное значение имела лекция Теодора Адорно (*Theodor Adorno*) «Что значит прийти к соглашению с Прошлым?» (*What does it mean to come to terms with the Past?*). Одним из элементов выдвинутого им принципа было то, что он отдавал предпочтение принципу «*working through the past*», требующем взять на себя перманентные обязательства по самокритике, в отличие от принципа «*mastering the past*», предполагающего замалчивание прошлого. Обозреватели и политические лидеры 1970-80-х гг. призывали к «*normalization of the Past*» (нормализации Прошлого). И западногерманские власти разработали программу, стратегию, направленную

¹ Гурген Маргарян – офицер ВС РА, в рамках программы «Партнерство во имя мира» командированный в Будапешт на курсы английского языка. Ранним утром 19 февраля 2004г. спящего Г.Маргаряна зарубил участвующий в тех же курсах азербайджанский офицер.

на нормализацию прошлого. Она имела различные проявления, в числе которых – непоколебимость политического руководства страны решать вопросы прошлого и на институциональном уровне: одним из проявлений этого было заплаченное Израилю денежное возмещение (может быть, в этот ряд входит и заплаченные несколько лет назад несимволические по нынешним временам денежные суммы бывшим советским военнопленным). Второе – создание нового образа Германии и немцев как нравственной нации, что было обусловлено тем обстоятельством, что, в отличие от поколения 1950-х, новое поколение немцев стермилось извлечь более кардинальные уроки из прошлого. Уже в 1970-е годы канцлер изображал Западную Германию как «*normal nation*» (нормальную нацию), у которой те же проблемы, что и в других западных государствах, что ее история включает в себя как «подъемы, так и падения». Представлялось, что новые решения зависят от старых, что образы (*images*) прошлого – как и само прошлое, является для современности одновременно и ресурсом и диктатом. Т.е. что образы прошлого не диктуются со стороны прошлого и не созданы полностью в современности, а являются результатом постоянно продолжающегося диалога, где образы, созданные ранее, дают форму и подсказывают, что можно делать с ними в более удачливом настоящем. Другим проявлением нормализации является так называемая регуляризация или ритуализация. Принятие и признание исторической ответственности стали периодически проявляемыми характеристиками политической литургии, как, например, празднования разных памятных дат, таких как 8 мая 1945г., 1 сентября 1939г., посещения бывших концентрационных лагерей и т.д. [см. 18, pp. 259-288, 19, pp. 381-402].

Говоря иначе, в последующие за Второй мировой войной десятилетия человечество стало свидетелем трансформации немецкой идентичности на основе критического рассмотрения и переоценки исторической памяти, что, в конечном итоге, привело к полноценному франко-немецкому примирению, чем и был главным образом обусловлен процесс создания единой Европы.

Ученые, занимающиеся вопросами социальной памяти (*M.Halbwachs, E.Hobsbawm, B.Schwartz, J.K. Olick, E.Zerubavel* и другие) замечают, что зачастую «прошлое» представляет собой культурное построение, сконструированное в настоящем, и, таким образом, становится субъектом для многочисленных современных интересов, которые опираются на него. Иными словами, трансформации наличествующей в настоящих условиях национальной идентичности можно достичь прежде всего критическим обзором прошлого (и основанной на нем коллективной и исторической памяти). В любом случае, это долгий, требующий десятилетий процесс, и совершенно очевидно, что этого

нельзя достичь многочисленными взаимными визитами делегаций разного уровня или подписанием договоров о дружбе и экономическом сотрудничестве, или же семинарами и обсуждениями активистов общественных организаций. Этот процесс должен основываться на цивилизованных европейских примерах межкультурного диалога, в основе чего, думается, должны быть поставлены всячески поддерживаемые политической элитой [сравн. с 20], открытые, профессиональные, последовательные, имеющие широкий массовый охват обсуждения [сравн. 21, 22, էջ 76-78]¹, касающиеся различных вопросов коллективной и исторической памяти находящихся в конфликте народов. Лишь такой подход, т.е. создание философии реального познания и взаимопонимания на основании культурного диалога между народами об одном из решающих элементов идентичности может стать той основой, которая приведет к фундаментальному решению этнополитических конфликтов.

Сентябрь, 2007г.

Источники и литература

1. *Kaplan Robert D.*, *Balkan Ghosts: A Journey Through History*, 1994.
2. *Մարտիկյան Հ.*, Վարդենիսի շրջանի հայության ներէնդիկ շերտերը. փոխհարաբերության հարցեր, Արդի էթնոմշակութային գործընթացները Հայաստանում, 1, Հանրապետական գիտական նստաշրջան: Զեկուցումների հիմնադրույթներ, Ե., 1997:
3. *Марутян А.*, “Свои” как “чужие”: конфликты в моноэтничных обществах. VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2005.
4. *Шнайдер-Детерс Винфрид* (издатель). Южный Кавказ – нестабильный регион замороженных конфликтов. Материалы международной конференции по Кавказу Фонда Фридриха Эберта, Тбилиси, 2002.
5. *Մարտիկյան Հ.*, Հիշողության դերն ազգային ինքնության կառուցվածքում. տեսական հարցադրումներ, Ե., «Նորավանք», 2006:
6. *Smith Anthony D.*, *National Identity*. Reno, Las Vegas, London: University of Nevada Press, 1991.
7. *Չոլյան Մ.*, «Ղարաբաղյան հիմնահարցը որպես ադրբեջանցիների պատմական հիշողության և ազգային ինքնագիտակցության ձևավորման գործոն (ադրբեջանական պետական ազգային քաղաքականության հայեցակարգի վերլուծություն)» թեկնածուական ատենախոսություն, Ե., 2005:

¹Ср. также с распространенной информагентством «Арка» информацией: «57,1% опрошенных в Армении людей главным препятствием на пути решения Карабахской проблемы считают историческую вражду [между Арменией и Азербайджаном]» [23].

8. *Adalian R.*, A Conceptual Method for Examining the Consequences of the Armenian Genocide. - Problems of Genocide. Proceedings of the International Conference on "Problems of Genocide". Cambridge, Mass. and Toronto: The Zoryan Institute, 1997.
9. Պետրոսյան Ա., Հայոց ցեղասպանությունը որպես ազգաճնություն, «Հայացք Երևանից. հայագիտական», 1997, թիվ 4:
10. *Абрамян Л.*, Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча, Диаспоры, 2000, N 1-2.
11. Հայոց ցեղասպանության 50-ամյակը և Խորհրդային Հայաստանը (փաստաթղթերի և նյութերի ժողովածու), Ե., 2005:
12. *Սոսքեյան Վ.*, 1965թ. ապրիլի 24-ը, «Հայք», 23 ապրիլի 1996, թիվ 76 (649):
13. *Եղիազարյան Ա.Կ.*, Եղեռնի արտացոլումը խորհրդահայ գրականության մեջ, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1990, թիվ 4:
14. *Կապուտիկյան Ա.*, Էջեր փակ գրոցներից, Ե., 1997:
15. *Կապուտիկյան Ա.*, Մտորումներ ճանապարհի կեսին, Ե., 1961:
16. *Մարության Հ.*, Ցեղասպանության հիշողությունը որպես նոր ինքնության ձևավորիչ (1980-ական թվականների վերջ - 1990-ական թվականների սկիզբ), Պատմա-բանասիրական հանդես, 2005, թիվ 1:
17. *Մարության Հ.*, Հայ ինքնության ձևափոխման հիմնական ուղղությունները Ղարաբաղյան շարժման տարիներին, «Հայագիտության արդի վիճակը և նրա զարգացման հեռանկարները». Հայագիտական միջազգային առաջին համաժողով, զեկուցումների դրույթներ, Ե., 2003:
18. *Olick Jeffrey K.* What Does It Mean to Normalize the Past?: Official Memory in German Politics Since 1989. – States of Memory. Durham and London: Duke University Press, 2003.
19. *Olick Jeffrey K.* Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany. – American Sociological Review, Vol. 64, No. 3 (June, 1999).
20. *Mehdi Niyazi.* The East and the West: complicated situations in different understanding. – The Eurasian Politician, Issue 1 (May 21st, 2000), point 3.3
21. *Marutyun Harutyun.* Historical Memory: Opportunity or Obstacle? – Regional Dynamics of the Black and Caspian Sea Basins. IREX Alumni Conference, Odesa, 2000.
22. *Marutyun Harutyun.* Historical Memory in the Scope of Ethno-Cultural Unity and Southern Caucasian Variety. – The South Caucasus Network for Civil Accord. The South Caucasus: Ethnic-Cultural Diversity and Regional Unity. Materials of III International Conference. Tbilisi, 2003.
23. Public opinion survey, conducted as part of "Armenia and Azerbaijan at a "Neither War Nor Peace" Crossroad: How to Overcome Stereotypes" project. – 1 June 2005, ARKA-News (Armenia), Document ARKA000020050601e1610018h.

COLLECTIVE AND HISTORICAL MEMORY IN DIALOGUE WITH CULTURES

Harutyun Marutyan

Resume

The article has taken up some factors of the beginning and development of ethno-political conflicts and polycultural societies, and while looking for the ways of giving solutions to them a goal is set to strengthen mutual perception through deeper comprehension of the past. Among the representatives of various social organization of the Caucasian region, lingering out more than a decade, it is indicated comparatively low effectiveness of meetings, discussions and jointly carried out projects. According to the author, it is the sequent of the lack of purposeful thematic questions worked out beforehand and systematically carried out propagandistic work assisted by the government in every possible way. By the example of Armenian-Azerbaijani conflict is put forward the significance of the factor of historical and collective memory of the conflicting countries in the process of ethnic mobilization followed by the process of transforming identity, are detailed up important elements of this process, are produced the main manifestations of the post-war German experience of normalizing the past. According to the idea advanced, the intercultural dialogue, directed towards the reconciliation of nations, is in conflict, and must be based on open, professional, consistent, lasting (maybe for decades) discussions led in wide circles of society, relating to different questions of historical and collective memory, and that this process must be supported by the political elite of the country in every possible way. Only on the ground of this kind of approach (that is: creation of philosophy of real knowledge and mutual understanding on the basis of cultural dialogue among the nations about one of the decisive elements of identity) may be given final solution to ethno political conflicts.